
ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

кандидат исторических наук

ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА

В XX веке были дни, в которые совершились переломные события в жизни нашей страны. К числу таких дней относятся первые числа марта 1953 года. 3 марта страна была потрясена сообщением по радио о внезапной «болезни Председателя Совета Министров Союза СССР и Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина». Сообщалось, что «в ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания».

Даже в нескольких строках этого сообщения было немало неправды. Во-первых, Сталин в указанное время находился не «в Москве в своей квартире», а на даче в Кунцево. До 1960 года Кунцево не входило в пределы Москвы. Во-вторых, Сталин потерял сознание первого марта, а не «в ночь на второе марта». Странно было и то, что об этом сообщили лишь 3 марта. Правда, в последующем радио и газеты регулярно передавали сообщения о течении болезни. И всё же известие о смерти вождя всколыхнуло страну и породило множество версий произошедшего.

Был ли убит Сталин?

Сталин еще был жив, когда его сын Василий стал гневно обвинять руководителей страны в отравлении отца. Позже Василий говорил водителю своей машины про некую старуху, появившуюся в Колонном зале Дома Союзов во время прощания со Сталиным. «Старуха с клюкой», по словам Василия, обратилась к стоявшим в почетном карауле членам Президиума ЦК КПСС: «Убили, сволочи! Радуйтесь! Будьте вы прокляты!»

О том, что рассказ Василия вряд ли был плодом его фантазии, свидетельствуют и мои собственные воспоминания. В дни прощания со Сталиным моя мама пыталась добраться до Дома Союзов. Однако, попав в давку и едва уцелев, она решила повернуть назад. Находясь в троллейбусе, она слышала, как мужчина средних лет нарочито громко рассуждал о том, что «заступника рабочих убили» и теперь кое-кто «этому очень рад».

Внезапная смерть президента Чехословакии Климента Готвальда 14 марта 1953 года в свою очередь породила волну слухов. Ведь еще 9 марта чехословацкий руководитель был жив, здоров и находился на трибуне Мавзолея во время церемонии похорон Сталина. Хотя официально было объявлено, что Готвальд умер от внезапного развившегося воспаления легких, поговаривали о том, что он был отравлен.

Рассказывали, что Готвальд прибыл в Москву до смерти Сталина и сразу же приехал к умиравшему вождю. Увидев следы крови на губах Сталина, Готвальд вытер их своим носовым платком, который положил к себе в карман. Утверждалось, что присутствовавшие при этом убийцы Сталина опасались, что Готвальд может распорядиться сделать анализ крови и обнаружить яд. Поэтому были приняты меры для отравления Готвальда.

Потом появилось несколько версий о том, как был убит Сталин. В одной из них утверждалось, что во время заседания Президиума ЦК 1 марта в Кремле Лазарь Моисеевич Каганович выступил против суда над кремлевскими врачами и кампании против сионизма. Большинство руководителей партии поддержали Кагановича. В ходе острого спора Сталин был убит. Затем его тело перевезли на дачу в Кунцево, где имитировалось лечение Сталина вплоть до 5 марта 1953 года. Эта версия совершенно неправдоподобна, так как ей противоречат все известные обстоятельства смерти Сталина (паралич, происшедший на даче в Кунцево, несколько дней тяжелой болезни, свидетелями чего были десятки людей, включая врачей и других медицинских работников).

В показанном год назад по каналу НТВ сериале “Сталин. Live” утверждалось, что покушение на жизнь Сталина готовили Л. П. Берия, Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев, каждый по отдельности. В конечном счете, один из них преуспел в своих действиях. Но совершенно очевидно, что создатели сериала не претендовали на документальное изложение исторических событий, а лишь предлагали версию возможного их развития.

Между тем “медицинское заключение о болезни и смерти И. В. Сталина”, переданное по радио и напечатанное в газетах 6 марта 1953 года, гласило: “В ночь на второе марта у И. В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг (его левое полушарие) на почве гипертонической болезни и атеросклероза”. Ни слова об отравлении в медицинском заключении не говорилось. Подлинник этого медицинского заключения был выставлен на всеобщее обозрение в марте 2003 года в помещении Государственного архива РФ, когда там проходила выставка “Между прошлым и будущим” к 50-летию со дня смерти И. В. Сталина.

С решительным опровержением этого медицинского заключения выступил Николай Добрюха в опубликованной в начале 2008 года книге (под псевдонимом Николай НАД) “Как убивали Сталина”. Дотошно разобрав журнал наблюдений за состоянием здоровья И. В. Сталина с 3 по 5 марта, а также черновые записи медицинского персонала, Н. Добрюха пришел к категоричному выводу: “Слухи, что Сталин убит, имеют теперь документальное подтверждение. Скорее всего, вождь был отравлен ядом природного, органического, белкового происхождения. По оценкам современных специалистов, отравляющие вещества такого характера содержатся в ядах змей, пауков и скорпионов, а также в некоторых видах растений и бактерий. Действуют они путем нарушения дыхания и кровообращения, поражая лимфатические узлы, глаза, головной мозг и т. д., и в зависимости от обстоятельств поражения в той или иной мере ведут к гибели человека”.

“Найденные мною документы, – утверждает Н. Добрюха, – свидетельствуют о бесспорном наличии яда в организме Сталина. Вместе с тем точный его состав и происхождение эти документы не отражают. Видимо, в те жуткие дни и ночи, когда делались анализы крови страшно умиравшего Хозяина Кремля, разрешения, а тем более указания на это медики не получали. Да и вряд ли бы получили, если бы даже очень захотели. Однако факт отравления они установили однозначно!”

В подтверждение обоснованности своей версии Николай Добрюха приводит оценку, которую незадолго до смерти дал бывший руководитель КГБ СССР Владимир Крючков: “Исследование “Как убивали Сталина” – сильный материал... Документы о последней болезни и смерти Сталина настолько значительны, что теперь от них никто не сможет отвернуться. Впервые мы имеем дело не с набором воспоминаний, слухов и предположений о смерти Сталина, а с исследованием подлинных документов”.

Вместе с тем Николай Добрюха признает, что еще не все секреты событий в начале марта 1953 года раскрыты. Он сослался на слова некоего “высокопоставленного чиновника”, который заявил, что причины болезни и смерти Сталина – “это личная тайна семьи Сталина, и рассекретить ее будет разрешено только через 75 лет после случившегося, то есть в 2028 году”. По оцен-

ке Н. Добрюхи, “эти слова... видимо, обычная отговорка, охраняющая не секреты семьи вождя, а тайну смерти Сталина”.

Кем и как был убит Сталин?

Еще три десятка лет тому назад развернутую версию о насильственной смерти Сталина предложил А. Авторханов, посвятивший этому целую книгу. Там утверждалось, что после затянувшегося застолья Сталина с другими руководителями страны в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года все ушли, кроме Л. П. Берия. “Берия, как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одному варианту – мужчина, адъютант Берия, а по-другому – женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные доказательства против Хрущева в связи с “делом врачей”, Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время “лечения” Сталина и в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точных дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно”.

В начале XXI века эту версию соединили с упоминанием Светланы Аллилуевой о молодой женщине-враче, которую она увидела у постели парализованного Сталина. Аллилуева писала: “Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, – где-то я ее видела?... Мы кивнули друг другу, но не разговаривали”. Утверждалось, что на самом деле “молодая женщина-врач” была адъютантом Берия, что Аллилуева ее ранее знала как сотрудницу аппарата Берия. Однако теперь, когда она была одета в медицинский халат, не смогла ее узнать.

Противоречат этой версии свидетельства охранников, которые обнаружили Сталина вечером 1 марта на полу в состоянии паралича. Видимо, до потери сознания Сталин сам переоделся в пижаму, открыл себе бутылку с минеральной водой, приготовил газету для чтения. Кроме того, охранники еще в половине седьмого вечера заметили, что в кабинете загорелся свет. Именно в это время 1 марта в Москве наступают сумерки. Когда они вошли в кабинет, там горела настольная лампа, которую, очевидно, зажег Сталин. Вряд ли все эти действия мог совершать человек, находившийся без сознания. Трудно поверить и тому, что никому не известная женщина могла попасть на тщательно охраняемую дачу под видом адъютанта Берия, а затем, переодевшись в медицинский халат, убедить охрану, что на самом деле она – врач, и умело изображать врача со 2-го по 5 марта.

В защиту Л. П. Берия выступил Юрий Мухин. В своей книге “Убийство Сталина и Берия” он, ссылаясь на воспоминания Энвера Ходжи, уверял, что покушение на Сталина готовили А. И. Микоян и Н. С. Хрущев. Он писал: “Судя по всему, на ужине в субботу 28 февраля 1953 г. Хрущев как-то исхитрился отравить Сталина... Тогда вопрос – в какое блюдо он всыпал или влил яд? Думаю, что это было то самое молодое сухое вино, которое Сталин заказал к ужину со своими товарищами и которое назвал “соком”. Мухин утверждал, что Берия знал об убийстве Сталина, но почему-то не имел возможности ни слова сказать об этом.

В отличие от Юрия Мухина, Николай Добрюха исходит из того, что организатором убийства был Л. П. Берия. О том, как было осуществлено отравление Сталина, автор написал в “Истории о трех бутылках минеральной воды”: “Работая с архивами, я обнаружил, как 8 ноября 1953 года музею Ленина из Санитарного управления Кремля решили передать для музея Сталина “медикаменты и три бутылки из-под минеральных вод”, но отчего-то по неуказанным причинам 9 ноября передали лишь “2 бутылки (одна из-под нарзана, другая из-под боржоми)”.

Добрюха ставит вопрос: “Почему не передана третья бутылка, где она находится и какой она могла бы дать анализ, если верить версии, что “Сталина нашли лежащим у стола, на котором стояли стакан и открытая бутылка минеральной воды (по одним данным – боржоми, по другим – нарзан)”? Впрочем,

яд мог быть и... не в воде, а на дне и на стенках стакана, который легко мог подложить сам Берия, убрав прежний стакан, что называется, с глаз долой”.

Многое говорит в пользу ответственности Берия за смерть Сталина. Об этом я писал в главе “Берия – первый обвинитель Сталина... Или его убийца?”, опубликованной в моей книге “Сталин перед судом пигмеев”.

Несмотря на резкие различия во взглядах на многие вопросы В. М. Молотова, Н. С. Хрущева, С. И. Аллилуевой, все они, описывая последние часы жизни Сталина, сходились в одном: поведение Берия резко отличалось от поведения других людей, находившихся в то время возле умирающего Генералиссимуса. Светлана Аллилуева утверждала: “Только один человек вел себя неприлично – это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распивавших его страстей. А страсти его были – честолюбие, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, – отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть “самым верным, самым преданным”... А когда всё было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: “Хрусталева! Машину!”

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев писал: “Как только Сталин заболел, Берия стал распространять злобные слухи о нем, высмеивать его. Было невыносимо слушать Берия. Но интересно, что, как только на лице Сталина появлялись признаки сознания, Берия бросался на колени, хватал Сталина за руку и начинал целовать ее. Как только Сталин терял сознание снова и закрывал глаза, Берия поднимался и плевался. В этом был весь Берия – изменнический даже по отношению к Сталину, которого он якобы обожал и даже боготворил и, однако, на которого сейчас плевал”. В своей беседе с писателем Феликсом Чуевым Молотов подчеркивал, что как только Сталин “приходил в сознание... Берия держался Сталина!”

Двуличие в поведении Берия особенно бросалось в глаза, поскольку до последних дней жизни Сталина он поддерживал с ним дружеские отношения. Известно, что после выступления Сталина на октябрьском пленуме 1952 г., на котором он резко критиковал Молотова и Микояна, те перестали бывать у него. Известно, что в последние месяцы Сталин не встречался и с другими своими старыми соратниками – Ворошиловым и Кагановичем. Берия же входил в группу лиц, наиболее приближенных к Сталину. Вместе с Маленковым, Булганиным и Хрущевым он провел на Кунцевской даче ночь с 28 февраля по 1 марта. Нет никаких свидетельств того, что в ходе этой встречи произошла какая-то размолвка или ссора между ним и Сталиным.

Известно также, что сразу же после произнесения своей речи на траурном митинге во время церемонии похорон И. В. Сталина, Л. П. Берия опять хулил покойного. 9 марта с трибуны Мавзолея Берия говорил: “Трудно выразить словами чувство великой скорби, которое переживают в эти дни наша партия и народы нашей страны, все прогрессивное человечество... Неутолима боль в наших сердцах, неизмеримо тяжела утрата”. И тогда же, по свидетельству первого секретаря ЦК Компартии Грузии А. Мгеладзе, Берия хохотал, крыл Сталина матом: “Корифей науки! Ха-ха-ха!”

Как утверждал Л. М. Каганович в своем выступлении 3 июля 1953 г. на пленуме ЦК КПСС, “уже на другой день после смерти Сталина” Берия “начал свертгать мертвого Сталина, он стал мутить, пакостить, то рассказывал, что Сталин говорил про тебя то-то, про другого то-то, то говорил, что Сталин и против него, Берия, шел”.

Наконец, есть признания самого Лаврентия Павловича, что он виновен в смерти Сталина. Эти признания были сделаны им не в ходе следствия, когда он был арестован, а в те дни, когда он был на вершине власти и славы. Из замечаний, которые делал Берия 1 мая 1953 года в разговоре с Молотовым на трибуне Мавзолея, тот делал вывод: “Не исключено, что он приложил руку к его смерти”. В своей беседе с писателем Феликсом Чуевым Молотов утверждал, что Берия сказал ему по поводу Сталина: “Я его убрал”.

Однако некоторые из этих заявлений, свидетельствующих о двуличии и вероломстве Берия и даже о его ответственности за смерть Сталина, вызы-

вают вопросы также относительно людей, которые были свидетелями его поведения. Известно, что в траурные дни сурово обходились со всеми, кто не разделял всеобщее горе. На выставке в Госархиве РФ 2003 года приводились документы об арестах таких людей. Так, была арестована женщина, которая в ходе бытовой ссоры пожелала своей соседке умереть, как умер Сталин. Почему же, став свидетелями вызывающего поведения Берия, руководители СССР, собравшись в Кремле, дружно проголосовали за назначение его министром внутренних дел СССР и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР? При этом из порядка перечисления заместителей следовало, что Берия стал вторым человеком в стране. Неужели Берия говорил о том, что он “убрал” Сталина, лишь Молотову, с которым у него не было близкой дружбы? Скорее всего, об этом знали – но почему-то молчали – другие руководители партии и страны. Наконец, зачем Берия откровенно демонстрировал свое неуважение к умирающему Сталину и сообщал о своей причастности к убийству?

Прежде всего, очевидно, что Берия так себя вел, потому что он был уверен в своей безнаказанности. Для такой уверенности у него были веские основания. Берия отдавал себе отчет в том, что не только он, но и другие руководители совершили уголовно наказуемое преступление, не оказав помощь тяжело больному человеку.

Из воспоминаний Н. С. Хрущева и Светланы Аллилуевой следует, что он, а также дети Сталина ждали приглашения на Ближнюю дачу на обед. Однако день закончился, а приглашение так и не поступило. По словам Хрущева, “уже было поздно, я разделся, лег в постель. Вдруг звонит мне Маленков: “Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берия и Булганина. Отправляйся прямо туда”. Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут 15. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: “В чем дело?”

По воспоминаниям охранников, которые собрал бывший охранник А. Рыбин, Берия, осмотрев Сталина, стал уверять, что те зря волнуются по поводу его состояния. Он уверял, что Сталин спит, и обругал охранников за ненужную панику. Маленков приказал никому ничего не сообщать. Почему члены Президиума ЦК решили ничего не предпринимать для срочной помощи Сталину? Они могли догадаться, что сон, длящийся сутки, не мог быть нормальным. Они знали, что охранники нашли Сталина на полу. Со слов охранника они узнали, что Сталин не мог говорить, а лишь издавал бессвязные звуки. Они помнили о том, что у Сталина уже случались инсульты.

Несмотря на противоречия в различных воспоминаниях, из их содержания следует, что ни Берия, ни Маленков, ни Хрущев, ни Булганин не нашли ничего тревожного в том, что 74-летний человек, уже не раз страдавший от серьезных заболеваний, упал в обморок и был найден на полу в полупарализованном состоянии. Удивительным образом они не предложили вызвать врача и осмотреть Сталина, хотя бы для того, чтобы убедиться, не ушибся ли он при падении, чтобы измерить внутриартериальное давление и т. д. Неужели элементарный житейский опыт не подсказывал четверем бывалым людям, поднаторевшим в решении самых различных кризисных ситуаций, в том числе и житейских, что состояние Сталина настоятельно требует немедленного оказания медицинской помощи? Приказ, отданный Берия, Хрущевым, Маленковым и Булганиным не вызывать врачей, был равносителен преступному не оказанию медицинской помощи тяжело больному человеку.

Но почему был отдан такой приказ? Всё, что известно о поведении четверых людей, позволяет предположить, что каждый из них старательно делал вид, что ничего необычного не происходит, потому что твердо знал, что Сталин уже находится между жизнью и смертью. А если это так, то что давало им основания для такой уверенности?

Вряд ли можно предположить, будто все четверо были организаторами и исполнителями отравления Сталина. Ведь совершение подобного преступления требовало предельной секретности, а расширение числа его участников вызвало бы утечку информации и могло привести к провалу заговора. Однако следует учесть, что даже те, кто не был причастен к отравлению, вероятно, не раз выражали в беседах между собой желание остановить какие-то

действия Сталина, не угодные им. При этом в ходе конфиденциальных бесед их участники могли высказывать пожелание, чтобы какое-то событие (болезнь, смерть или покушение на жизнь) остановило Сталина. Возможно, в таком ключе вели свои беседы Хрущев и Микоян, о чём последний поведал Энверу Ходже. Теперь они стали свидетелями того, как их тайные желания были доведены до зловещего логического конца. Но в этом случае они осознали, что кто-то (возможно, они сразу догадались о роли Берия) прибег к крайнему средству. В этом случае они понимали, что у отравителя есть возможность расправиться и с ними, а потому они не смели ему препятствовать и не использовали хотя бы малейший шанс для спасения Сталина. Таким образом, они становились соучастниками преступления.

Не меньшее удивление вызывает пассивное поведение охранников. Почему они поверили “диагнозу” членов Президиума ЦК, когда видели, что Сталин был в полупарализованном состоянии и пребывает в нем, возможно, с полудня? Почему они лишь покорно ожидали прибытия врачей, ничего не предпринимая для ускорения этого события? Создается впечатление, что события разворачивались в далекой тайге или тундре и окрест Ближней дачи не было на сотни километров ни единого очага цивилизации, ни единого медицинского учреждения, ни одного врача. Неужели приказ Г. М. Маленкова “никому ничего не сообщать”, разнос Берия, устроенный охранникам, произвели на них столь сильное впечатление, что они не решились действовать самостоятельно, хотя бы в обход этих приказов? Не исключено, что кто-то строго запретил охране действовать подобным образом.

Это подозрение усиливается, если вспомнить то, что никто из охраны не пытался зайти к Сталину до 22.30 1 марта. По словам Рыбина, 1 марта охранники на даче “с утра все занимались положенными делами. В полдень заметили, что в комнатах всё еще нет никакого движения. Это насторожило. Но заходить без вызова к вождю не полагалось. А соответствующего сигнала по-прежнему не было. Наконец в полседьмого вечера в кабинете вспыхнул свет. Все облегченно вздохнули, полагая, что сейчас последует приглашение. Однако не дождалась его. Охрану стала охватывать тревога: происходило явное для Сталина нарушение распорядка дня. Пусть даже воскресного”.

Возможно, что Сталину стало плохо гораздо раньше, чем зажегся свет в его кабинете, и он включил свет, напрягая последние силы, уже будучи не в состоянии позвать охранников и прислугу. Но возможно и то, что кто-то включил свет в комнате Сталина, уже увидев его на полу в бессознательном состоянии. Включенный свет успокоил охранников. Уже на этом этапе многое вызывает недоумение. Почему, кроме детей Сталина, никто не старался узнать, из-за чего задерживается обед и что происходит со Сталиным? Почему охранники, которые решились войти к Сталину в 22.30 и нашли для этого удобный предлог, не могли раньше придумать, каким образом можно разузнать, что с ним происходит?

Поведение охранников объясняли приказом начальника выездной охраны И. В. Хрусталева. Последний утверждал, что, проводив последних гостей около 5 утра 1 марта, Сталин сказал Хрусталеву: “Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать”. Сталин “подобного распорядка”, по утверждению Рыбина, “никогда не давал. Оно удивило Хрусталева необычностью”. Хрусталева отметил, что “настроение у Сталина было бодрым”.

Однако об этом Рыбин узнал со слов других охранников, так как Хрусталева вскоре умер. Н. Добрюха замечает: “Вызывает вопросы и внезапная смерть здоровья Хрусталева через 10–15 дней после похорон Сталина, о чем мне рассказал Ю. С. Соловьев, около 10 лет являвшийся подчиненным Хрусталева и одним из самых приближенных телохранителей Сталина. Соловьев уверял, что вскоре после смерти Сталина Хрусталева был арестован, но... уже дней через 10 выпущен и вскоре скончался”.

И всё же, несмотря на строгие приказы никого не беспокоить и не нагнетать панику, охранники вновь решились звонить высокому начальству по поводу состояния Сталина. Как утверждал Хрущев, ночью Маленкову опять позвонили охранники, которые сочли, что “сон” Сталина не похож на сон здорового человека. Тогда все участники последней трапезы в ночь с 28 февраля на 1 марта решили снова поехать на дачу, пригласив также Кагановича и Ворошилова. По словам Хрущева, “условились также, что вызовем и врачей”.

По словам Рыбина, “лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив: “Скоро будет медицина”. На самом деле в 7 часов на дачу прибыли врачи во главе с профессором П. Е. Лукомским. Получалось, что от времени обнаружения Сталина на полу до приезда врачей прошло более 8 часов! Если же предположить, что Сталин потерял сознание утром 1 марта, то это значит, что помощь ему не оказывали в течение суток!

Когда же врачей наконец допустили, вмешательство медицины уже не могло спасти Сталина. Как утверждает Николай Добрюха, врачи с опозданием стали принимать меры против отравления, обнаруженного ими. Однако, как справедливо полагает Н. Добрюха, врачи скрывали свое открытие подлинной причины состояния Сталина за туманными медицинскими формулировками, так как боялись, что их же и обвинят в его отравлении.

Почему был убит Сталин?

Хотя многое говорит в пользу насильственной гибели Сталина и ответственности за это Берия и других руководителей страны, менее ясно, почему вдруг они решили убить вождя. Есть свидетельства, что Берия хотел избавиться от Сталина, так как последний якобы решил избавиться от Берия. Молотов сообщал Чуеву, что “Сталин иногда выражал пренебрежительное отношение к Берия. Убрать хотел”. Подобные же мысли высказывал и Хрущев в своих воспоминаниях. На июльском пленуме 1953 г. Каганович утверждал, что во время первомайской демонстрации 1953 г. Берия, обратившись к некоторым членам Президиума ЦК, сказал, что Сталин замыслил убрать его, но “не знал, что если бы он меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание”. Факт такого заявления Берия подтвердили и другие члены Президиума ЦК.

Но следует иметь в виду, что Сталин на протяжении десятка лет не раз критиковал Берия, и порой довольно резко. (Об этом, в частности, вспоминали главный маршал авиации А. Е. Голованов и начальник сталинской охраны генерал Н. С. Власик.) Это не мешало Сталину отдавать должное организаторским способностям Берия, которые особенно проявились в ходе создания советского ядерного оружия. Как известно, Берия возглавлял руководство этими работами. Теплая встреча в ночь с 28 февраля на 1 марта с четырьмя членами Президиума ЦК, среди которых был и Берия, не свидетельствовала о том, что Сталин собирался “убрать” его.

Однако даже если это так, то почему три члена Президиума ЦК поддержали Берия в его действиях и фактически стали его соучастниками? Для этого надо вернуться к событиям октябрьского пленума 1952 года. Хотя стенограммы этого пленума нет, он запомнился его участникам выступлением И. В. Сталина, в котором он подверг резкой критике В. М. Молотова и А. И. Микояна. Позже считалось, что эта критика была прелюдией для атаки Сталина на других руководителей страны и замены их новыми. Но, как свидетельствовал в своих воспоминаниях А. И. Микоян, во время пленума Г. М. Маленков и Л. П. Берия демонстрировали поддержку критике И. В. Сталина и высмеивали оправдания А. И. Микояна. В дальнейшем именно они старались углубить рознь между Сталиным, с одной стороны, и Микояном и Молотовым, с другой.

Хотя, по предложению Сталина, Молотов и Микоян не были включены в состав Бюро Президиума ЦК, оба, по словам Микояна, “аккуратно ходили на его заседания”. При этом Сталин не протестовал против появления Молотова и Микояна, а охотно выслушивал их выступления. Микоян, в частности, привел пример того, как он на заседании Бюро Президиума в присутствии Сталина стал доказывать необходимость поднять материальную заинтересованность колхозников в развитии животноводства. Как утверждал Микоян, “мое выступление, казалось, произвело на него впечатление”. В результате Сталин принял решение включить Микояна в состав комиссии во главе с Хрущевым по этому вопросу.

Острый конфликт на октябрьском пленуме не помешал Сталину вновь обратиться к Молотову, чтобы втянуть его в дискуссию по вопросам теории. Беседуя с Чуевым, Молотов вспоминал: “Сталин работал над второй частью “Экономических проблем”, давал мне кое-что почитать, но куда все это делось, ничего не известно”.

Микоян вспоминал, что 21 декабря 1952 г. он и Молотов, предварительно созвонившись с Маленковым, Хрущевым и Берия, решили, как обычно, поехать вечером на дачу Сталина, чтобы поздравить его с днем рождения. По словам Микояна, “Сталин хорошо встретил всех, в том числе и нас. Сидели за столом, вели обычные разговоры. Отношение ко мне и Молотову вроде было ровное, нормальное. Было впечатление, что ничего не случилось, и возобновились старые отношения. Вообще, зная Сталина давно и имея в виду, что не один раз со мной и Молотовым он имел конфликты, которые потом проходили, у меня создалось мнение, что и этот конфликт также пройдет и отношения будут нормальные. После этого вечера такое мое мнение укрепилось”.

Однако очевидно, что конкуренты Молотова и Микояна в руководстве продолжали оказывать воздействие на Сталина. По словам Микояна, “через день или два” после празднования дня рождения Сталина, “то ли Хрущев, то ли Маленков сказал: “Знаешь что, Анастас, после 21 декабря, когда все мы были у Сталина, он очень сердился и возмущался тем, что вы с Молотовым пришли к нему в день рождения. Он стал нас обвинять, что мы хотим примирить его с вами, и строго предупредил, что из этого ничего не выйдет: он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему приходили”. Обычно мы ходили к Сталину отмечать в узком кругу товарищей Новый год у него на даче. Но после такого сообщения в этот Новый год мы у Сталина не были”. Скорее всего, инициаторами интриг против Молотова и Микояна выступали Маленков, Берия и Хрущев. Получается, что за осуждением Сталиным Молотова и Микояна на октябрьском пленуме не обязательно следовало ожидать опалы Берия, Маленкова или Хрущева.

На фоне резких заявлений Сталина в адрес Молотова и Микояна на октябрьском пленуме на второй план отошла другая часть его речи. В ней Сталин заявил о том, что ему трудно выполнять обязанности председателя Совета Министров СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС. Возможно, Сталин собирался поступить так, как потом поступали руководители Китайской Народной Республики, начиная с Дэн Сяопина: оставить посты, связанные с текущими вопросами управления, сохранив за собой идейно-политическое руководство страной. Правда, это заявление Сталина вызвало растерянность в президиуме пленума и протесты его участников. В этой обстановке вопрос об отставке Сталина решен не был.

Между тем очевидно, что Сталин давно думал отойти от текущих дел, чтобы заняться пересмотром коренных вопросов организации советского общества. В 1951 году он говорил видному экономисту Д. Т. Шепилову: “Мы думаем сейчас проводить очень крупные экономические мероприятия. Перестраивать экономику на действительно научной основе... Для того чтобы это сделать, нужно, чтобы люди, наши кадры, молодежь, знали настоящую политическую экономию... Положение сейчас таково... либо мы подготовим наши кадры наших хозяйственников, руководителей экономики на основе науки, либо мы погибнем! Так поставлен вопрос историей”. Перед XIX съездом партии была опубликована работа Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”, в которой он искал ответы на вопросы перспективного развития страны. Как указывалось выше, последние месяцы своей жизни Сталин работал над продолжением этой книги, но после его смерти текст исчез бесследно.

Видимо, Сталин осознавал и опасность пребывания у власти тех, кто по своей образовательной подготовке и профессиональному опыту более не отвечал задачам быстро развивавшегося советского общества. Такие люди, как Берия, Хрущев, Маленков, принадлежали к поколению советских руководителей, занявших управленческие посты в ходе и вскоре после Гражданской войны. При этом ни Хрущев, ни Берия, ни Микоян, ни Каганович, ни Молотов не имели законченного высшего образования. Их знания, их опыт, присущие им методы работы, которые сложились в годы экстремальных ситуаций, всё в меньшей степени отвечали реалиям середины XX века и не позволяли решать многие насущные проблемы страны.

На смену им Сталин стал выдвигать тех, кто имел высшее образование, опыт хозяйственной работы на современных предприятиях или занимался теоретическим осмыслением опыта советской истории. Судя по воспоминаниям Микояна, расширение состава Президиума ЦК после XIX съезда до 25 членов

и 11 кандидатов, главным образом за счет более образованных и опытных в хозяйственном отношении лиц, выдвижение Сталиным Первухина и Сабурова в члены Бюро Президиума ЦК насторожило “ветеранов Политбюро”. В своём выступлении на октябрьском (1952 г.) пленуме ЦК КПСС И. В. Сталин напомнил о том, что в последние годы он переместил наиболее близких к нему людей на посты заместителей председателя Совета Министров, назначив министрами людей “более молодых и энергичных”.

Не исключено, что “ветераны Политбюро”, которые уже утратили министерские посты (среди них был и Берия), принимали отчаянные меры, чтобы эти назначения не состоялись. Знаменательно, что за два часа до смерти Сталина решения XIX съезда КПСС о расширении состава Президиума ЦК были отменены, а многие сталинские выдвиженцы 1952 года были отодвинуты на менее значительные посты.

Фактор Пономаренко

Одним из последних решений И. В. Сталина было назначение в декабре 1952 года 50-летнего Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко заместителем Председателя Совета Министров СССР. Уроженец хутора Шелковского Кубанской области П. К. Пономаренко окончил в 1932 году Московский институт инженеров транспорта. Затем занимал различные управленческие посты. С июня 1938 года до 1948 года был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. С 30 мая 1942 года по март 1944 года он возглавлял Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования. В 1948–1952 гг. Пономаренко был секретарем ЦК ВКП(б), отвечая за государственное планирование, финансы, торговлю и транспорт страны. Одновременно он занимал пост министра заготовок СССР. На октябрьском пленуме ЦК КПСС Пономаренко был избран членом Президиума ЦК и секретарем ЦК КПСС.

Незадолго до смерти Сталин, по воспоминаниям бывшего министра сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктова, направил членам Президиума ЦК проект решения о назначении П. К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР. По словам Бенедиктова, “Сталин, видимо, учитывал, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи. Документ о назначении П. К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли”.

Возможно, это решение должно было быть официально принято на сессии Верховного Совета СССР в марте 1953 года. Не исключено, что во время обеда на сталинской даче, который должен был состояться в воскресенье 1 марта, Сталин собирался объявить о грядущих переменах в руководстве партии и страны. В пользу того, что Сталин намеревался сказать нечто такое, что касалось не только руководителей страны, но и членов его семьи, говорило то, что на воскресный обед были приглашены помимо членов Бюро Президиума ЦК также дети Сталина, Василий и Светлана, которые последний раз были у него лишь на Новый год.

Вряд ли возвышение Пономаренко, которое должно было состояться в первых числах марта, обрадовало “ветеранов Политбюро”. Дело в том, что у некоторых из них имелись старые счёты к белорусскому партизану. Прежде всего, у Хрущева. После введения советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, в конце ноября 1939 года, в Москву были вызваны партийные руководители Украины и Белоруссии (Хрущев и Пономаренко), чтобы обсудить со Сталиным вопросы переустройства жизни новых областей. Еще в приемной в присутствии помощника Сталина А. Н. Поскребышева произошел, по словам Пономаренко, “драматический инцидент между Хрущевым и мной, определивший на долгие годы его отношение ко мне”.

Пономаренко вспоминал: “После того как я поздоровался, Хрущев спросил меня, подготовили ли мы свои предложения о границе и в чем их суть. С должным уважением у нему, как к члену Политбюро ЦК ВКП(б) и известному деятелю партии, я, как можно деликатнее, сказал: “Мы подготовили предложения, но они не совпадают с Вашими”. Далее я сказал, что мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим составом населения и что гра-

ница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лининца, Кобрин, Барановичей и Бреста, а посему эти города и Беловежская пуца должны остаться в составе Советской Белоруссии.

Хрущев вскипел и грубо спросил: “Кто Вам состряпал эту чепуху, и чем Вы можете это обосновать?” Я ответил, что предложения, которые мы вносим, составили члены ЦК Компартии Белоруссии. Мы вовсе не считаем это чепухой и готовы привести обоснования на основе статистики и истории. Хрущев заявил, что украинские историки имеют другую точку зрения, и высказал свои наметки границы. На это я ответил: “Трудно предположить, чтобы ученые могли обосновать такую границу, противоречащую понятиям этнографии, статистики и истории”.

Хрущев рассвирепел и со злостью стал кричать: “Ага, Вы ученым верите, Вы что, больше других знаете? Да что Вы знаете? А слышали ли Вы о том, что, начиная со средних веков, на территориях, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцы, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие включали население этих территорий в свои войска, что исторические книги вовсе не упоминают в связи с этими районами о белорусах и т. д. и т. п.”

Я ему ответил: “Товарищ Хрущев, меня сейчас больше всего волнует то, в каком тоне и в какой грубой форме Вы разговариваете со мной. Это ведь не личный вопрос. Даже если вопреки нашим предложениям эти районы включат в состав Украины, никакой катастрофы не произойдет. Мы одна страна, а Украина тоже советская. Но я обязан защищать интересы Белоруссии и имею на этот счет свои предложения, которые опираются на обоснованные данные”.

В этот момент нас позвали к Сталину. Он сидел в кабинете один. После нашего приветствия он ответил: “Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали войну из-за границ? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?” Потом Сталин предложил нам сесть и доложить свои варианты. Хрущев и я вытащили тексты предложений и схемы. Первым докладывал Никита Сергеевич. Он развернул на столе схемы, но, излагая содержание своего проекта, ни разу не сослался на них.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на его схеме, как пройдет граница. После моего выступления и ответов на ряд вопросов Сталин твердо заявил: “Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема. Она ничем не может быть обоснована. Её не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская пуца являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезают. И это была бы плохая национальная политика”.

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: “Скажите прямо, выдвигая эти предложения, вы, наверное, имели в виду другое: вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много?”

На это Хрущев ответил: “Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало”. “Это другое дело, — заметил Сталин, — это можно учесть. Белорусы предлагают правильную, обоснованную границу. Объективность их варианта подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширск отнести к Украине. Мы утвердили границу, в основном совпадающую с проектом товарища Пономаренко, но с некоторой поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса”.

Он взял карту и прочертил линию границы, почти совпадающую с нашим предложением. Только в одном месте сделал на зеленом массиве карты небольшой выгиб к северу и сказал: “Пусть этот район отойдет к Украине”. Хрущев выразил свое согласие. Я был особенно доволен таким решением вопроса.

После этого Сталин пригласил Хрущева и меня к себе обедать. По лицу, по настроению Никиты Сергеевича чувствовалось, что он остался недоволен таким исходом и эту историю надолго запомнит. Я не ошибся”.

Новый острый конфликт между Пономаренко и Хрущевым возник в 1942 году. К этому времени во всех советских республиках, захваченных врагами, развернулось партизанское движение. Особенно большой размах оно приняло в Белоруссии. До половины территории республики оставалась партизан-

ским краем, где фактически сохранялась советская власть. Поэтому, когда встал вопрос о создании единого центра по руководству партизанским движением на оккупированных территориях, к разработке этого вопроса были привлечены руководители республики во главе с первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко.

Как вспоминал Пономаренко, “в декабре 1941 года и в первой половине 1942 года работа по созданию Центрального и республиканских штабов развернулась полным ходом. Но вдруг 26 января Г. М. Маленков сообщил мне, что ГКО решил приостановить все подготовительные мероприятия”. Судя по последовавшим событиям, принятие важного решения было отложено из-за сложных маневров, предпринятых Хрущевым для того, чтобы установить свой контроль над партизанским движением всей страны. Союзником Хрущева на заседании ГКО выступил Берия.

Пономаренко вспоминал, что в двадцатых числах мая 1942 года он “был снова вызван в Москву по тому же вопросу”. Тогда Пономаренко познакомился с наркомом внутренних дел Украины В. Т. Сергиенко, который ему представился как будущий начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). 30 мая 1942 года состоялось заседание ГКО, на котором с докладом о ЦШПД выступил Берия. Он заявил, что Сергиенко “очень хорошо проявил себя в должности наркома внутренних дел Украины”. Очевидно, что этот человек устраивал и Хрущева, так как он оставался на посту украинского наркома, и Берия, так как он был подчинен ему по линии НКВД.

Но неожиданно хорошо подготовленный план натолкнулся на сопротивление Сталина. “А вам не жаль отдавать в Центр такие хорошие украинские кадры? — спросил не без иронии Сталин, обращаясь к Хрущеву и Берия. Вслед за этим уже более резким тоном он сказал, смотря только на Берия: — У Вас — узко ведомственный подход к этой чрезвычайно важной проблеме. Партизанское движение, партизанская борьба — это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия. Сейчас то, что требуется, мы и исправим. И начальником Центрального штаба партизанского движения будет член ЦК ВКП(б)”. “С этими словами, — рассказывал Пономаренко со слов Микояна, присутствовавшего на этом заседании ГКО, — Сталин взял синий карандаш, обвел стоявшую последней в представленном списке мою фамилию и стрелочкой поставил на первое место”.

По словам Пономаренко, “Хрущев и Берия, особенно Хрущев, были недовольны таким решением и моим назначением, посчитав это “поражением Украины и НКВД”... Хрущев... расценил это как “унижение Украины или “белорусский подкоп” под нее и даже санкционировал тогда некоторые сумасбродные и рискованные противодействия”. С одобрения Хрущева “одним из руководителей партизанского движения на Украине Алексеем Федоровым была подготовлена, растиражирована и разбросана в ряде оккупированных районах листовка, в которой говорилось примерно следующее: “Я, батька всей Украины Алексей Федоров, провозглашаю себя главнокомандующим всеми партизанскими силами, требую, чтобы мне подчинялись и мои приказы беспрекословно выполняли все партизанские соединения и отряды”... и т. д., и т. п.

Подобное послание могло бы появиться во времена Гражданской войны от лица руководителя анархистских или “зеленых” формирований, и Пономаренко сначала решил, что листовка является фашистской фальшивкой. Очевидно, Хрущев и его союзники, прикрываясь спецификой партизанской войны, пытались взять реванш за провал своих попыток установить контроль над партизанским движением всей страны. Правда, как вспоминал Пономаренко, история с листовкой Федорова была замята, а иначе “не сносить “дорогому Никите Сергеевичу” головы, не говоря уже о Федорове”.

Вероятно, что отказ Сталина поддержать предложение Берия и Хрущева не в последнюю очередь был связан с тем, что в это время еще не остыли страсти после поражения советских войск в ходе Харьковской операции, инициатором которой был Хрущев.

Есть свидетельства того, что Хрущев и Берия, потерпевшие поражение в своих интригах вокруг партизанского движения, продолжали держать зло на Пономаренко.

Война еще не кончилась, а у Пономаренко возник новый конфликт с руководителями страны. Пантелеймон Кондратьевич вспоминал: “В августе 1944 года, примерно через месяц после освобождения Минска от немецко-

фашистских захватчиков, позвонил Г. М. Маленков и сообщил мне, что имеется указание об образовании Полоцкой области с центром в г. Полоцке и что секретариат ЦК составил по этому поводу проект решения, который он хочет согласовать с ЦК КП(б) Белоруссии. Я ответил, что Центральный Комитет Компартии Белоруссии, как думается, не будет возражать и поддержит предложение об образовании Полоцкой области”.

“Да, но Вы должны иметь в виду, – сказал Маленков, – что Полоцкая область будет образована в составе РСФСР, и таким образом Полоцк и соответствующие районы отойдут из БССР в РСФСР”. Это было для меня настолько неожиданным, что в первые минуты я не нашелся, что ответить. Чтобы исключить возможность возражений, Маленков добавил: “Не думаете же Вы, что Полоцкой области в Российской Федерации будет хуже, чем в составе БССР?”

Я ответил, что, конечно, не думаю, но есть причины для возражений против такого решения, и я хочу их обдумать, обсудить с товарищами, а затем сообщить наше мнение”. На это Маленков ответил: “Обсуждать не следует, выезжайте в Москву”.

14 августа Пономаренко прибыл в Кремль на совещание к Сталину. В ходе дискуссии Маленков сказал: “Пономаренко возражает против передачи Полоцкой области в состав РСФСР”. Пономаренко вспоминал, что Сталин спросил его: “Почему? Вы считаете Полоцк исконным белорусским городом?”

Пономаренко, по его словам, “прежде всего, подчеркнул, что Полоцк принято считать старинным белорусским городом. Но это можно оспаривать, поскольку Полоцк существовал задолго до того времени, когда в силу исторических причин от одного могучего ствола, именовавшегося Русью, пошли три ветви: русская, украинская и белорусская. Следовательно, когда Полоцк называют старинным русским городом – это тоже правильно. Крайность в этих толкованиях отдает либо национализмом, либо великодержавным шовинизмом. Однако во все времена исторического существования Белоруссии Полоцк был в ее составе, включая и 25 лет существования Советской Белоруссии... Это первое”.

“Что же второе?” – спросил внимательно слушавший Сталин. “Второе, – отметил я, – это то, что Полоцк в сознании белорусов, особенно интеллигенции, является старинным центром белорусской культуры. Там родился и вырос один из крупнейших белорусских просветителей Скорина, первый доктор медицины, пожалуй, не только в Белоруссии, но и в России. Он также переводчик многих книг, в том числе Библии на белорусский язык, который, впрочем, тогда, более 400 лет назад, мало или почти не отличался от русского языка. Из Полоцка, – добавил я, – происходят многие другие виднейшие деятели культуры Белоруссии, в том числе немало известных современных писателей. Это важное, хотя тоже не главное обстоятельство”.

“Когда же Вы скажете главное?” – спросил, улыбаясь, Сталин. “Главное, по-моему, – сказал я в заключение, состоит в следующем. Заканчивается победоносно для Советского Союза Великая Отечественная война. В ней народы всего Советского Союза понесли потери, огромные жертвы. Враг агонизирует, и могущество СССР возрастает не только в территориальном, но и в политическом отношении. Тяжелейшие жертвы на фронтах, в партизанской и подпольной борьбе понес и белорусский народ.

И вот к окончанию войны Белоруссия территориально и по населению сокращается за счет отхода ряда районов и г. Полоцка к РСФСР. Мне кажется, что это не будет народом понято и многих обидит. Тем более что это будет ассоциироваться с тем, что на западе Белостокская область и часть Беловежской пуши, как известно, могут отойти к Польше. Кроме того, ведь накануне войны некоторые районы, находившиеся в составе БССР с основания республики, по бесспорным соображениям переданы Советской Литве. Поэтому, мне кажется, не следует образовывающуюся Полоцкую область передавать в состав Российской Федерации, хотя сама Полоцкая область от этого ничего не потеряла бы”.

Сталин нахмурился, наступила тягостная пауза, все молчали и ожидали его решения. Наконец он поднялся, медленно прошел туда и обратно вдоль стола, потом остановился и сказал: “Хорошо, покончим с этим вопросом. Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его, действительно, не следует”. (Ясно, что и тогда некоторые руководители страны не считались с интересами народа Белоруссии. Однако так-

же ясно, что Сталин высоко ценил мужественный белорусский народ и призвал его “не обижать”.)

После этого заговорили все. И могло показаться, что по данному вопросу все думали точно так же. Один Маленков, главный инициатор проекта, был расстроен и мрачен, хотя все высказанные мною соображения я еще подробнее изложил ему перед заседанием. Плохо скрывал свою досаду и Хрущев.

В дальнейшем у Пономаренко были и другие столкновения с центральным руководством, включая Берия. В них проявились принципиально разные подходы к решению вопросов дальнейшего развития страны. Хрущев, Маленков и Берия вряд ли могли сработаться с Пономаренко. Они хотели остановить действия Сталина по его назначению на высокий пост. Смерть И. В. Сталина избавила Берия, Маленкова, Хрущева и других от соперника, с которым они рано или поздно вступили бы в конфликт. При этом Пономаренко, занимая начальственное положение, опирался бы на поддержку всемогущего Сталина. Шансы же стать наследниками Сталина у Берия и других были бы сведены к нулю.

Знаменательно, что на сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся после смерти И. В. Сталина, П. К. Пономаренко получил спешно созданный новый пост министра культуры, хотя до тех пор такого министерства не существовало. А вскоре его отправили в Казахстан первым секретарем – подальше от Москвы.

* * *

Казалось бы, устранив Сталина и угрозу появления Пономаренко в роли его наследника, члены Президиума ЦК добились того, к чему они стремились. Но смерть Сталина привела к появлению новых страхов. Они увидели, что у убийцы Сталина были эффективные способы уничтожения. Мучительная же смерть вождя, свидетелями которой стали советские руководители, еще более запугивала их.

Страх перед возвышением Пономаренко быстро сменился страхом перед Берия. Поведение Берия, его заявления о том, что он “убрал Сталина”, убеждали их в том, что они станут его очередными жертвами. Уже во время болезни Сталина Хрущев в беседах со своим напарником по ночным дежурствам Булганиным говорил ему: “Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин вскоре умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?” – “Какой?” – “Он возьмет себе пост министра государственной безопасности (в ту пору министерства государственной безопасности и внутренних дел были разделены. – *Прим. Н. С. Хрущева*). Нам никак нельзя допустить этого. Если Берия получит госбезопасность – это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!” Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать”.

Берия, как известно, все-таки возглавил объединенное Министерство внутренних дел и, в свою очередь, стал предпринимать энергичные действия для того, чтобы укрепить собственное положение. Им была намечена и широкая программа перемен в общественном устройстве страны и ее внешней политике, о которой отчасти написал в своей книге сын Берия Серго.

Оценивая деятельность Берия с точки зрения обретенного исторического опыта, многие современные авторы видят в ней первую попытку разрушения СССР и советского строя, предшествующую событиям конца 80-х – начала 90-х гг. Так, профессор С. Бацанов в статье “Берия и другие “демократы”, опубликованной в июле 1999 г., утверждал, что “Берия, как и Горбачев, был за... разделение Советского Союза на ряд суверенных государств, против колхозов, за частную собственность”. Схожий вывод, но с положительной оценкой последствий подобных событий, делает сын Берия Серго: “Отец... бросил вызов системе... Провозглашенная на весь мир перестройка оказалась лишь неудачной реализацией идей, выдвинутых им за три десятилетия до “исторического” пленума 1985 года”.

Логика борьбы за власть толкала руководителей страны к новым авантюрам, в ходе которых забота о великой стране и ее народах приносились в жертву корыстным интересам. В переломные мартовские дни 1953 года страна совершила роковой поворот на пути, который, в конечном счете, привел ее к грандиозной катастрофе.